

400 человек) и обеспечивали эвакуацию в тыл материальных ценностей. По донесениям в Наркомвоен, на 2 марта «через Смоленский узел за истекшую неделю проследовало до 20 000 вагонов, эвакуированных из разных мест, главным образом из Орши, Витебска и Могилева»².

На Украине вооруженный отпор интервентам возглавили правительственный комитет с чрезвычайными полномочиями «по обороне революции от западных империалистов» под председательством Н. А. Скрыпника³ и оперативный штаб Юго-Западного фронта — начальник А. В. Павлов. Советские войска на киевском и одесском направлениях насчитывали всего по 3 тыс. человек⁴. Но германскому командованию не удалось осуществить своего замысла с ходу овладеть столицей Советской Украины. 22 февраля отряд ВРК Юго-Западного фронта под командованием В. И. Киквидзе под Бердичевом смело контратаковал и отбросил вражеский авангард. Когда ВРК и оперативный штаб получили сведения о занятии интервентами Луцка и Ровно, писал три месяца спустя председатель ВРК Г. В. Разживин, «перед нами встал вопрос, оказывать ли неприятелю сопротивление теми силами, какие мы имели (всего 800 человек). Революционный комитет Юго-Западного фронта решил оказать сопротивление, чтобы вывезти имущество. Под Бердичевом было дано первое сражение. Немцы настойчиво наступали в течение трех дней, и каждый раз наши отбивались, ими же вводились в бой все новые силы... По пути отступления мы взрывали пути железных дорог и где возможно водокачки...»⁵. На коростенском направлении сражался отряд киевских железнодорожников под командованием А. Дзедзиевского. 23—28 февраля в боях в районе ст. Бородянка, Клавдиево, Буча, Беличи и Святошино, подорвав мост на реках Здвиж и Ирпень, красногвардейцы при поддержке своего бронепоезда сдержали наискрив превосходящих сил противника, «показали хорошее умение владеть оружием и поражать врага»⁶. Только отступление 1-й Чехословацкой дивизии, обнажившее подступы к городу со стороны Житомира, не позволило советскому командованию продолжить оборону Киева, и туда 1 марта ворвались интервенты. Выигранное же время дало возможность завершить эвакуацию киевского железнодорожного узла, где находилось свыше 75 процентов исправных паровозов и вагонов Юго-Западной железной дороги⁷, и принять меры по организации обороны Левобережной Украины на направлении главного удара оккупантов.

3

Брестский мир. VII съезд РКП(б)

В условиях известной стабилизации линии фронта на петроградском и центральном направлениях и продолжавшегося наступления интервентов на Украине 3 марта в Брест-Литовске был подписан мирный договор между Совет-

¹ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 160, л. 16; ф. 3, оп. 1, д. 87, л. 132, 135—136, 235; ф. 488, оп. 1, д. 162, л. 101; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.), т. 1, с. 82, 87; Х о х л о в А. Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917 — март 1918 гг.). Минск, 1965, с. 162—184.

² ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 161, л. 72—73.

³ См.: Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1. Киев, 1967, с. 3.

⁴ С к р и п н и к М. О. Статт! 1 промови, т. 1. Харюв, 1930, с. 202. В этот подсчет не входили красногвардейские отряды «в пределах городов и других поселений; такие отряды присоединялись иногда к отступавшим частям и принимали участие в полевых сражениях» (Э р д э Д. Революция на Украине (от керенщины до немецкой оккупации). Харьков, 1927, с. 198).

⁵ ЦГАСА, ф. 8, оп. 1, д. 313, л. 7—8.

⁶ «Штопис революцп», 1929, № 1, с. 196.

⁷ См.: «Вестник Украинской Народной Республики», 1918, 12 марта.

ской Россией и странами Четверного союза. Это означало, что «короткий, но сильный удар»¹ не привел германских империалистов к стратегической цели — удушению Советского государства. Провал плана молниеносной войны, распущее с каждым днем сопротивление молодой Красной Армии во взаимодействии с массовым повстанческо-партизанским движением показали германскому командованию опасность и бесперспективность наступления на Петроград и Москву без риска внести существенные корректизы в переброску войск на Западный фронт. Прочность рожденного Октябрем общественного и государственного строя, выдержавшего в самый трудный момент своего становления мощный удар кайзеровских полчищ и эффективно создающего под руководством большевистской партии свою классовую военную организацию, заставила германских империалистов пойти на брестский компромисс, смириться с банкротством «Фаустилага».

Советская делегация при подписании мирного договора отказалась от какого-либо обсуждения пунктов мирного договора как совершенно бесполезного в условиях империалистического диктата². В ее декларации, оглашенной на последнем заседании конференции, указывалось: «Этот мир продиктован с оружием в руках. Это — мир, который, стиснув зубы, вынуждена принять революционная Россия. Это — мир, который под предлогом «освобождения» российских окраин на деле превращает их в немецкие провинции...»³ По Брестскому миру страна теряла около 1 млн. кв. км территории с населением свыше 50 млн. человек. В то же время, несмотря на тяжесть и унизительность договора, ни одна из его 14 статей и приложение не затрагивали основ советского государственного и общественного строя. Образовалась первая брешь в дипломатической блокаде. Идя на Брестский мир, Советское государство решало две исторические задачи: выхода из кровавой трясины империалистической войны и обеспечения мирной передышки в ходе уже начавшегося нашествия международного империализма.

Ленинский стратегический план обороны Советского государства от агрессии германского империализма на основе Брестского мира заключался во всемерном использовании передышки для укрепления обороноспособности страны при одновременном развертывании освободительной борьбы на оккупированной врагом территории и в районах, которые согласно договору отторгались или в его нарушение становились объектом захвата. Особое внимание уделялось работе по революционизированию войск интервентов. Сущность ленинской стратегии была выражена в словах: «уступить пространство... чтобы выиграть время»⁴. На этом основывалась ленинская аргументация необходимости ратификации тяжелого и унизительного мирного договора в докладах на состоявшемся 6—8 марта в Петрограде VII экстренном съезде партии и на открывшемся 14 марта в Москве, куда была перенесена столица, IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов. «Наш лозунг должен быть один,— указывал В. И. Ленин,— учиться военному делу настоящим образом... Ловите передышку, хотя бы на час, раз вам ее дали, чтобы поддержать контакт с дальним тылом, там создавать новые армии»⁵. Отвергая клевету Троцкого и «левых коммунистов» о том, что подписанием договора мы-де отдали на растерзание германскому империализму революционных рабочих и крестьян Финляндии и Украины, он подчеркивал: «В этом нас не упрекнет ни один сознательный рабочий. Мы помогаем, чем можем. Мы из наших войск ни одного хорошего человека не увели и не уведем... Благодаря сохраненным магистралям мы помогаем и Украине и Финляндии. Используем передышку, маневрируя, отступая»⁶. Среди

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. 2, с. 132.

² См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. М., 1920, с. 213—224; Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 25—26, 277.

³ Советско-германские отношения... т. 1, с. 362—363.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 27.

⁵ Там же, с. 26.

⁶ Там же, с. 32—33.

других факторов, обусловливавших продолжительность мирной передышки,, было и то, «насколько увязнет немец в Финляндии, в Украине...»¹.

Ярким проявлением дальнейшего укрепления военно-политического союза народов нашей страны, провала попыток международного империализма и буржуазно-националистической контрреволюции подорвать их сплочение вокруг российского рабочего класса и его ленинского авангарда явилась позиция делегации Советской Украины на IV Всероссийском съезде Советов. В интересах сохранения Советской власти она высказалась за ратификацию мирного договора, «несмотря на то, что именно нас, украинцев, — говорилось в ее декларации,— он бьет всего больше, вырывая Украину против воли украинских крестьян и рабочих из живого тела Российской Советской Федерации»

Победа ленинского внешнеполитического курса на съезде партии и съезде Советов, одержанная в жестокой борьбе с оппозиционерами, меньшевиками и эсерами, всей буржуазией и ее пособниками, означала полный провал замыслов Антанты не допустить выхода Советской России из войны и поставить ее под смертоносный удар германской военной машины. Особые надежды при этом возлагались на послание президента США В. Вильсона съезду Советов с туманными заверениями помочь «обеспечить России снова полный суверенитет...»³. Разоблачая маневры дипломатии Антанты, В. И. Ленин писал: «Понятно, почему она должна хотеть этого: потому что, во-первых, мы оттянули бы часть германских сил. Потому, во-вторых, что Советская власть могла бы крахнуть легче всего от несвоевременной военной схватки с германским империализмом»⁴.

В области военного строительства важнейшим мероприятием Советского правительства явилось учреждение 3 марта Высшего военного совета⁵ в составе военного руководителя М. Д. Бонч-Бруевича и двух политических комиссаров, которому поручалось «руководство всеми военными операциями с безусловным подчинением... всех без исключения военных учреждений и лиц»⁶. Таким образом, он являлся высшим органом оперативно-стратегического руководства вооруженной борьбой в масштабе всей страны. Но поскольку до середины лета 1918 г. главную военную опасность по-прежнему представляла кайзеровская военщина, основным направлением деятельности Высшего военного совета стало руководство войсками завесы, создаваемой по постановлению Комитета революционной обороны Петрограда от 3 марта, чтобы положить «предел распространению германцев внутрь страны»⁷. Образование завесы «из отдельных отрядов, действующих во взаимной связи»⁸, вызывалось необходимостью организации обороны на широком фронте ограниченными силами путем оказания сопротивления на важнейших направлениях и выделения маневренных резервов для воздействия на фланги противника и противодействия его обходам при одновременном разрушении коммуникаций и развитии партизанских действий в тылу врага⁸.

5 марта директивой Высшего военного совета были созданы Северный и Западный участки завесы с разграничительной линией по железной дороге Невель — Великие Луки — Торопец — Осташков — Бологое (все пункты, кроме Бологое, включительно для Северного участка), а также Московский и Петроградский районы обороны с подчинением командованию участков завесы¹⁰. Управления участков завесы формировались соответственно на базе

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 117.

² Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти (ноябрь 1917 — апрель 1918 гг.). Киев, 1962, с. 69.

³ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 212.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 352.

⁵ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 462, л. 62.

⁶ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920), с. 25—26.

⁷ Там же, с. 26.

⁸ Там же.

⁹ См.: Этапы большого пути, с. 147.

¹⁰ См.: Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920), с. 30—31.

штабов Северного и Западного фронтов и находились: Северного участка — в Петрограде (военный руководитель А. В. Шварц, политкомиссары Н. П. Торгушкин и А. И. Ковригин), Западного участка — наст. Сухиничи-Узловая, затем в Калуге (военный руководитель В. Н. Егорьев, политкомиссары И. М. Арефьев, -А. М. Пыжев). «Задачи, ставшие перед завесой, были по тому времени нелегки и многообразны,— писал В. Н. Егорьев.— Первой задачей завесы было — придать фронтовым революционным отрядам сколько-нибудь регулярную организацию... Количество мелких отрядов было огромно. На одном только рославльском направлении, обнимавшем фронт около 100 км, было 30 различных частей с общей численностью в 5249 чел., причем одному начальнику подчинялось до 12 разных отрядов»¹.

По мирному договору Советское государство было обязано вывести свои военно-морские силы «в русские порты» или разоружить их до окончания мировой войны, но в финских водах они могли оставаться, пока ледовая обстановка не позволяла осуществить перебазирование². Вторжение интервентов в Финляндию поставило под угрозу захвата ими основных сил Балтийского флота, находившихся в Гельсингфорсе. Начав 12 марта демонстративное продвижение егерей-лыжников с Аланских островов на Або (Турку), интервенты, ^координируя свои действия с белогвардейским командованием», в действительности «фактическую высадку главных сил... произвели в районах Ганге, Гельсингфорса и Ловизы с намерением ударить красным в тыл и совместно с белыми окружить красных в районе Западной Финляндии, отрезав их от Восточной Финляндии и Петрограда»³. Военная помощь со стороны Германии сыграла решающую роль в развязывании гражданской войны финской реакцией⁴, высадка же кайзеровских войск определила поражение народной власти на земле Суоми. 3 апреля под прикрытием отряда особого назначения Балтийского моря под командованием Мойрера (три линкора, один броненосец и четыре легких крейсера в сопровождении сторожевых кораблей, тральщиков и торпедных катеров) на Ганге высадилась Балтийская дивизия. В районе города Ловизы 7 апреля десантировался сформированный в Ревеле трехтысячный отряд полковника Ф. Бранденштейна. На обоих направлениях интервенты встретили упорное сопротивление красногвардейцев. Несмотря на огромное превосходство противника в живой силе и вооружении, они неоднократно переходили в контратаки и наносили ему большие потери. Только штурмом с суши и с моря после ожесточенных уличных боев 11—13 апреля интервентам с помощью белофиннов удалось овладеть Гельсингфорсом, а 4 мая ликвидировать последний очаг сопротивления красногвардейцев в районе города Котка. Десятки тысяч людей, включая женщин, стариков и детей, стали жертвой террора шюцкоровцев. Около 5—10 тыс. красногвардейцев прорвались на территорию Советской России. В результате поражения пролетарской революции в Финляндии страна стала вассалом германского империализма. Превращение Финляндии в антисоветский плацдарм и право распоряжаться ее экономикой было предоставлено генералу Гольцу. Численность германских войск здесь летом 1918 г. достигла 55 тыс. человек⁵.

В соответствии с указаниями Советского правительства и правильно оценивая развитие событий в связи с германской интервенцией в Финляндии, Морской генеральный штаб 2 марта направил военному отделу Центробалта

¹ Этапы большого пути, с. 139—140.

² См.: Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 122—123.

³ Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии, с. 87.

⁴ С октября 1917 г. белофинны получили из Германии 147 тыс. винтовок, 32 орудия, 280 пулеметов и большое количество боеприпасов. Кроме того, для них было подготовлено 403 офицера и 724 унтер-офицера (Холодковский В. М. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция, с. 151).

⁵ См.: Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии, с. 95—105; Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933, с. 178—180; Холодковский В. М. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция, с. 267.

директиву в кратчайший срок завершить подготовку к переводу кораблей и судов из Гельсингфорса в Кронштадт и принять меры к их уничтожению при угрозе захвата интервентами и белофиннами¹. Балтийцы выводили корабли и эвакуировали имущество своей главной базы в Кронштадт и Петроград под руководством Совета комиссаров Балтийского флота (главный комиссар Н. Ф. Измайлова), созданного 3 марта, и Гельсингфорского комитета РКП(б) под председательством Б. А. Жемчушина. Перебазирование и эвакуация значительных материальных ценностей, принадлежавших РСФСР, осуществлялись командами, укомплектованными на 60—80 процентов, при открытом сопротивлении контрреволюционных элементов. Корабли выводились из Финляндии в то время года, когда большая часть Финского залива была скована льдом. Не хватало ледоколов, некоторые из них захватили интервенты и белофинны, которые пытались даже вооруженной силой, включая артиллерийский обстрел с острова Лавенсари, помешать переходу кораблей и судов². 12 марта из Гельсингфорса вышел первый отряд кораблей. В него входили новейшие линкоры «Гангут», «Петропавловск», «Полтава», «Севастополь» и три крейсера, являвшиеся боевым ядром Балтийского флота. В исторической справке, составленной после завершения перебазирования, об их переходе говорилось: «Условия похода были очень тяжелые, надо было идти все время переменными ходами. Корабли часто затирало льдом, и требовалась помочь ледокола, чтобы освободить их из затора... Однако, преодолев все трудности, 17 марта все суда пришли в Кронштадт, не имея больших повреждений и поломок. Таким образом, на переход 180 миль было затрачено более 5 суток»³.

5 апреля из Гельсингфорса вышел второй отряд кораблей. С 7 по 19 апреля шхерным фарватером (торошение льдов в Финском заливе представляло особую опасность для мелких кораблей и судов) шестью эшелонами совершался переход третьего отряда. Благодаря самоотверженности моряков и дипломатическим усилиям Советского правительства в апреле — мае 1918 г. из финских баз было выведено еще несколько десятков кораблей и судов.

В результате успешно проведенной операции по стратегическому перебазированию Балтийского флота удалось спасти для Советской республики 236 кораблей и судов, в том числе 6 линкоров, 5 крейсеров, 59 эсминцев и миноносцев, 12 подводных лодок, 30 сторожевых кораблей, тральщиков и минных заградителей. Участник легендарного Ледового похода Адмирал Флота Советского Союза И. С. Исаков, обосновывая его историческую значимость, писал: «Полное передислоцирование всех морских сил данного театра с одной стратегической базы (Рижский залив — Ревель и Шхеры — Гельсингфорс с потерей 2-х приморских крепостей и нескольких оборудованных позиций) на новую стратегическую базу в восточной части Финского залива, когда передислокация производится в условиях активного противодействия вооруженных сил врага (немецкий флот, десант, авиация и белофинны), — такая передислокация является стратегической операцией. Именно так надо рассматривать операцию, проведенную Балтийским флотом... и имевшую неизмеримое значение для сохранения морской мощи нашей страны, а ледовые условия являлись только одним из элементов обстановки, т. е. условием, сильно затруднившим эту операцию, подчеркнувшим исключительный героизм балтийцев, но не являющимся главным фактором события»⁴.

Успешное перебазирование Балтийского флота в значительной мере укрепило оборону Петрограда, обеспечило развертывание многих озерных и речных флотилий на различных стратегических направлениях, что сыграло

¹ См.: Балтийские моряки в борьбе за власть Советов, с. 123—124.

² См.: Кровяков Н. С. Ледовый поход Балтийского флота в 1918 году, с. 97—107; Мордвинов Р. Н. Курсом «Авроры», с. 67—77; Тюрина В. М., Яковлев Н. Н. Ледовая одиссея Балтфлота, с. 27—93.

³ Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. М.—Л., 1932, с. 93.

⁴ Адмирал Флота Советского Союза Иван Степанович Исаков. Сборник документов и материалов. Ереван, 1975, с. 125.

большую роль в разгроме интервентов и белогвардейцев, а в последующем его боевое ядро явилось фундаментом строительства советских ВМС.

Сразу же после подписания Брестского мирного договора перед советской дипломатией всталась большая, многоплановая и сложная задача: противодействовать стремлению германских империалистов к новым аннексиям, к расширению зоны своей оккупации. В мае 1918 г. В. И. Ленин указывал: «Большинство буржуазных партий Германии в данный момент стоит за соблюдение Брестского мира, но которое, конечно, очень радо «улучшить» его и получить еще несколько аннексий за счет России»¹. Именно с этой целью кайзеровские генералы и дипломаты в тексте мирного договора не указали границы Советской России. На карте, приложенной к договору и являвшейся его составной частью, линия новой границы доводилась лишь до района Брест-Литовска. Германия соглашалась вывести войска с территории, лежащей к востоку от указанной линии, только после заключения всеобщего мира и полной демобилизации Советской страной своей армии². Восточная граница Эстляндии и Лифляндии устанавливалась по р. Нарова, Чудскому и Псковскому озерам, далее до озера Лубани Ливенгофа на Западной Двине. В договоре указывалось, что их оккупация будет продолжаться до тех пор, «пока общественная безопасность не будет там обеспечена собственными учреждениями страны и пока не будет там установлен государственный порядок»³. В такой завуалированной форме германские империалисты закрепляли за собой «право» душить революционное движение трудящихся масс и создавать марионеточные режимы. В Белоруссии западная граница была обозначена, но не фиксировалась линия предельного продвижения германских войск на восток. Временная демаркационная линия между РСФСР и указанной оккупированной территорией устанавливалась в результате частных соглашений между командованием советских войск и противостоящих германских соединений⁴.

4

Борьба с дальнейшей экспансией германского империализма

Необозначенность каких-либо рамок оккупации в огромной полосе от Брест-Литовска до Черного моря давала кайзеровской военщине повод к продолжению экспансии на юге. По договору Советская Россия обязывалась немедленно заключить мир с Центральной радой и признать ее мирный договор с государствами Четверного союза⁵. Но границы Украины с Советской Россией не фиксировались, и эта неопределенность была использована германским командованием для вторжения в пределы Орловской, Курской, Воронежской губерний и Донской области РСФСР. Поэтому советская дипломатия, писал Г. В. Чичерин, должна была вести ежедневную, ежечасную борьбу, чтобы «поставить перед этим продвижением плотины или же направить его в русло, не угрожающее существованию Советской России, вообще, чтобы положить конец неопределенности, вытекающей из Брестского договора, и окончательно зафиксировать отношения к Германии»⁶. Преодолеть такого рода неопределенность — а она, по выражению В. И. Ленина, была «хуже

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 333.

² См.: Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 121.

³ Там же, с. 122.

⁴ ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 46, л. 1—6; Парский Дм. Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной Армии, с. 204; Крах германской оккупации на Псковщине. Л., 1939, с. 121—122; Борьба за Советскую власть в Белоруссии, ч. 1. Минск, 1968, с. 45.

⁵ См.: Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 122.

⁶ Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 102—103.